

STANFORD LIBRARIES

DS 145
A5

Alexander Amfiteatroff.

Der Ursprung des Antisemitismus in Russland

Band III.

Der Pogrom von Belostok.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Происхождение антисимитизма

III ЧАСТЬ.

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

Берлинъ 1906

VERLAG DER STUHR'SCHEN BUCHHANDLUNG.

Berlin.

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

III.

Товарищи! Говоря третьяго дня о Бѣлостокскихъ событіяхъ, мы нѣсколько не сомнѣвались, что подробности, которыя послѣдуютъ за первыми краткими оповѣщеніями, не замедлятъ подтвердить и выяснить въ нихъ обычный корень правительственной провокаціи.

Такъ оно и вышло. Послѣ вчерашнихъ и сегодняшнихъ газетъ уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что бѣлостокская бойня, подобно бойнямъ кишиневскимъ и одесскимъ, подстроена и организована по предварительному умыслу. Это бойня по сигналу, бойня по фейерверку. Таможенные чиновники въ Граевѣ, присутствовавшіе при погромѣ, нашли въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы засвидѣтельствовать, что грабежъ и убійства начались по полицейской командѣ и подъ полицейскимъ руководствомъ послѣ того, какъ поданъ былъ сигналъ ракетой. Звѣнный шумъ ракеты выросъ въ официаль-

ныхъ извѣстiяхъ въ взрывъ бомбы, которая будто бы убила священника и искрошила крестный ходъ. Между тѣмъ, сегодня телеграммы изъ Гродно опровергаютъ уже, чтобы кто либо изъ духовенства въ крестномъ ходу пострадалъ и очень опредѣленно настаиваютъ на томъ, что ракета была пущена изъ крестнаго хода. Во времена Варфоломеевской ночи людей били по удару колокола на башнѣ Окиерруа. Въ наши дни бьютъ по ракетѣ.

Я не буду злоупотреблять жалкими словами, чтобы возбудить ваше состраданiе и негодованiе. Для доброй половины публики, присутствующей въ этомъ залѣ, кровавая бѣда бѣлостокскихъ евреевъ — вопiющее кровное дѣло, и не только мои слабыя слова, но даже Демосееново краснорѣчiе не было бы въ силахъ говорить объ этой бѣдѣ громче и выразительнѣе голоса крови. Для другой половины публики, бѣлостокская бойня — новое оскорбительное униженiе прогресса, который Россiя завоевываетъ себѣ такимъ тяжелымъ, едва-ли не сверхсильнымъ трудомъ. Несчастные, измученные повторностью событiй, Сизифы, мы катимъ и катимъ камень цивилизацiи на верхъ крутой, русской горы, но — едва-едва вскатили на гребень рокового обрыва, — проклятый камень срывается и летитъ по скатамъ, какъ разрушительная лавина, давя

слѣпо и дико ни въ чемъ неповинныхъ людей, а насъ пятная кровавымъ стыдомъ и отчаяніемъ безсильнаго гнѣва.

Дѣло состраданія вы уже исполнили третьяго дня, организовавъ посильный сборъ въ пользу жертвъ бѣлостокскаго погрома, — мы, конечно, продолжимъ его и сегодня. Но теперь, когда мы поставлены въ полную увѣренность относительно провокаціонной организаціи убійствъ, намъ, по моему глубокому убѣжденію, необходимо отозваться на ужасы и безобразія царской опричины также и дѣломъ негодованія.

Сегодня утромъ меня посѣтилъ секретарь общества Друзей Русскаго Народа, чтобы черезъ мое посредство передать въ главнѣйшія русскія газеты протестъ противъ бѣлостокскихъ неистовствъ, организованный названнымъ обществомъ и подписанный самыми блестящими именами французской политики и литературы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы можемъ лишь благодарить друзей-французовъ за ихъ любезныя и благородныя чувства. Но обольщать себя тѣми надеждами, чтобы протестъ этотъ произвелъ на правительство русское впечатлѣніе серьезнаго и властнаго окрика, способнаго прекратить или хотя ослабить преступныя дѣйствія, — мы уже, увы, не въ состояніи: не достаетъ вѣры! Столько видѣли и слышали мы плато-

ническихъ протестовъ, которые, красиво раздавшись изъ авторитетныхъ устъ, всетаки падали потомъ, какъ въ бездонную яму. Русскому правительству они были — что стѣнѣ горохъ: въ одно ухо вошло, въ другое вышло!

Мнѣ кажется, что мы, собравшіеся здѣсь въ достаточно большомъ числѣ, представители и члены передовыхъ группъ русской колоніи въ Парижѣ, можемъ, имѣемъ право и силу, выразить наше негодованіе актомъ, болѣе яркимъ и, быть можетъ, болѣе вліятельнымъ, чѣмъ простой платонической протестъ брошенный въ правительственное пространство газетнымъ-ли, инымъ-ли путемъ. Конечно, и мы не въ состояніи оказать иного воздѣйствія, кромѣ чисто нравственнаго, этическаго, но надо по крайней мѣрѣ, чтобы оно не пропало даромъ, не расточилось въ воздухъ, какъ „душеспасительное слово“, обращенное къ глухому или къ закаменѣлому Плюшкину. Вѣдь огромное большинство протестовъ сводится, въ концѣ концовъ, результатами своими только къ тому, что отправляющіе констатируютъ фактъ: охъ, какъ мы честно мыслимъ, а получающіе говорятъ: ну, и на здоровье . . . слышали не разъ! и инцидентъ исчерпанъ.

Поэтому я предложилъ бы вамъ, почтенное собраніе, выработать теперь же такой протестъ,

который могъ бы прозвучать какъ негодующій голосъ русской эмиграціи въ Парижѣ, не только со страницъ десятка-другого передовыхъ газетъ, но и съ трибуны той Государственной Думы, которая, если не является, то старается явить собою народное представительство. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что значительную долю вины за бѣлостокское несчастье Государственная Дума должна принять на себя, на свою медлительность и наивность въ противодействіи правительству, на свою нерѣшительность примкнуть къ революціи и получить отъ нея боевые мандаты. Пока Дума, обрадованная, что „и у насъ, какъ въ Европѣ“, денно и ношно упражнялась въ парламентскомъ краснорѣчій, принимая трибуну за кафедру и получая отъ г. Муромцева менторскія указанія, извлеченныя изъ „Приклада, како говорятся и пишутся куплименты“, — правительство употребило время съ большею для себя пользою. Въ страхѣ предъ аграрною революціей, оно дернуло за обычный клапанъ, чрезъ который бюрократія русская уже тридцать лѣтъ выпускаетъ пары народныхъ недовольствъ: устроило еврейскій погромъ, который, судя по ловкости организаціи, только начало къ серіи погромовъ. Не забудемъ, что Бѣлостокъ — центръ еврейской вооруженной самообороны и городъ фабричный, съ массою

хорошо распропагандированныхъ рабочихъ. Разгромить Бѣлостокъ значило нанести тяжкій ударъ еврейскимъ силамъ русской революціи и поставить ее въ очень критическое положеніе по всему западному краю, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Правительство пробуетъ убить однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ, — отсрочить аграрную революцію, бросивъ темнымъ обманутымъ мужикамъ кровавую временную жертву еврейскихъ погромовъ, и заставить революціонныя силы, крестьянство и еврейство, взаимно истреблять другъ друга. Страшно подумать, что хоть одинъ изъ двухъ зайцевъ будетъ достигнутъ правительственнымъ коварствомъ, а что — если оба?

Государственная Дума не должна допустить подобной возможности. Если она сколько нибудь цѣнитъ свое достоинство, если она собралась не для простой западнической игры въ парламентъ, если она не школа господскихъ словопреній, но хоть немного органъ народа, выдѣлившаго ее, какъ пѣнку на своей поверхности, ея роль сейчасъ выступить противъ правительства, не только порицающими словами, но и пресѣкающими дѣйствіями. Не знаю какъ Вы, господа, но я совершенно неудовлетворенъ тѣмъ извѣстіемъ, что трое думскихъ представителей Щепкинъ, Якубсонъ и (не помню третье имя)

командированы Думою для разслѣдованія Бѣлостокскихъ событій. Этого мало, этимъ не успокоить потрясеннаго чувства и не починить глубокихъ прорѣхъ въ шаткомъ дѣлѣ освобожденія. Слѣдствіе слѣдствіемъ, но — что-же? пока слѣдствіе то будетъ производиться — жить какъ? Три члена Думы будутъ производить слѣдствіе, а Дума „перейдетъ къ порядку дня“ и опять утонетъ въ океанѣ кабинетнаго разглагольствія, укрощаемаго гувернерскою ферулою Муромцева рѣшительно отъ всякаго практическаго и твердаго плана и слова, похожаго на дѣло. Стенографическіе отчеты очень наглядно показываютъ намъ, что рѣдкій ораторъ изъ крестьянъ или трудовиковъ покидаетъ трибуну, не оборванный вѣжливымъ, но неуклоннымъ председателемъ, какъ скоро изъ области общихъ фразъ и розово-либеральныхъ тумановъ эти люди выбираютъ къ волямъ своихъ практическихъ нуждъ и — что у кого болитъ, тотъ про то и говорить.

Я думаю, что ни одна семья не въ состояніи заниматься теоретическими умствованіями или болтовнею на второстепенныя темы текущаго дня въ то самое время, какъ въ ея квартирѣ стоятъ гробы съ дорогими, любимыми братьями и сестрами. Если такая семья находится, то это черствая, бездушная, жестокая семья и мы не будемъ питать къ ней уваженія. Надо честно

хорошо распропагандированныхъ рабочихъ. Разгромить Бѣлостокъ значило нанести тяжкій ударъ еврейскимъ силамъ русской революціи и поставить ее въ очень критическое положеніе по всему западному краю, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Правительство пробуетъ убить однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ, — отерочить аграрную революцію, бросивъ темнымъ обманутымъ мужикамъ кровавую временную жертву еврейскихъ погромовъ, и заставить революціонныя силы, крестьянство и еврейство, взаимно истреблять другъ друга. Страшно подумать, что хоть одинъ изъ двухъ зайцевъ будетъ достигнуть правительственнымъ коварствомъ, а что — если оба?

Государственная Дума не должна допустить подобной возможности. Если она сколько нибудь цѣнитъ свое достоинство, если она собралась не для простой западнической игры въ парламентъ, если она не школа господскихъ словопреній, но хоть немного органъ народа, выдѣлившаго ее, какъ пѣнку на своей поверхности, ея роль сейчасъ выступить противъ правительства, не только порицающими словами, но и пресѣкающими дѣйствіями. Не знаю какъ Вы, господа, но я совершенно неудовлетворенъ тѣмъ извѣстіемъ, что трое думскихъ представителей Щепкинъ, Якубовъ и (не помню третье имя)

командированы Думою для разслѣдованія Бѣлостокскихъ событій. Этого мало, этимъ не успокоить потрясеннаго чувства и не починить глубокихъ прорѣхъ въ шаткомъ дѣлѣ освобожденія. Слѣдствіе слѣдствіемъ, но — что-же? пока слѣдствіе то будетъ производиться — жить какъ? Три члена Думы будутъ производить слѣдствіе, а Дума „перейдетъ къ порядку дня“ и онять утонетъ въ океанѣ кабинетнаго разглагольствія, укрощаемаго гувернерскою ферулою Муромцева рѣшительно отъ всякаго практическаго и твердаго плана и слова, похожаго на дѣло. Стенографическіе отчеты очень наглядно показываютъ намъ, что рѣдкій ораторъ изъ крестьянъ или трудовиковъ покидаетъ трибуну, не оборванный вѣжливымъ, но неуклоннымъ председателемъ, какъ скоро изъ области общихъ фразъ и розволиберальныхъ тумановъ эти люди выбираютъ къ волямъ своихъ практическихъ нуждъ и — что у кого болитъ, тотъ про то и говорить.

И думаю, что ни одна семья не въ состояніи заниматься теоретическими умствованиями или болтовнею на второстепенныя темы текущаго дня въ то самое время, какъ въ ея квартирѣ стоятъ гробы съ дорогими, любимыми братьями и сестрами. Если такая семья находится, то это черетвая, бездушная, жестокая семья и мы не будемъ питать къ ней уваженія. Надо честно

похоронить и отомстить эти кровавые гробы и снасти остающихся въ живыхъ отъ гробоконателей и убійць.

Какія гарантіи имѣеть Дума предложить странѣ, что провокація погромства не будетъ распространена правительствомъ по всему западному краю? Мы не идеалисты и совѣмъ не склоны утверждать, что бьетъ евреевъ только отребье городского люда, а русскій мужичокъ — такой ангель, что хоть въ ножки ему кланяйся, онъ на еврейской головѣ волосика не тронетъ. Напротивъ, мы весьма убѣждены, что, когда за волосики брать разрѣшается, русскій мужичокъ не только на еврейской, но и на какой угодно головѣ выгоду свою соблюдетъ и ни единого волосика не оставитъ. Правительство боялось за волосы бюрократіи, крупнаго землевладѣнія, царской фамиліи и упредило революцію, подставивъ мужикамъ волосы всеискупающаго еврейства: дерите, батюшки! и — чѣмъ больше, тѣмъ лучше . . . И можете быть увѣрены, что — пока не наткнется на энергическое противодѣйствіе — армія погромныхъ батюшекъ драть будетъ.*) Въ состояніи-ли Дума унять

*) Одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ на второмъ митингѣ (въ залѣ на Avenue de Choisy) по поводу Бѣлостокскихъ событій, укорялъ меня за это пессимистическое мнѣніе о русскомъ мужикѣ, увѣряя будто пос-

этотъ безчестный и безсмысленный деръ, кото-
рый, какъ гласятъ телеграммы, уже побѣжалъ
изъ Бѣлостока направо и налево вдоль желѣз-
ныхъ дорогъ? Нѣтъ, не въ состоянїи, какъ не
въ состоянїи добиться амнистіи, получить от-

лѣдній чуждъ предубѣжденій національныхъ, религіоз-
ныхъ, расовыхъ, а поддается только теченіямъ клас-
совой борьбы. Ну, знаете, теорія теоріей, книга книгой,
практика практикою и жизнь жизнью. Конечно, оно
должно бы быть такъ, но на дѣлѣ оно не такъ, или
вѣрнѣе оно, покуда, еще не такъ. Я вполне согласенъ,
что у російскаго мужика не больше логическихъ при-
чинъ къ ненависти противъ еврея, чѣмъ противъ, напри-
мѣръ, хотя бы попа. Но — увы! проживъ уже не ма-
лое число лѣтъ на свѣтѣ, притомъ изрядную часть ихъ
въ югозападныхъ губерніяхъ, я имѣлъ несчастье видѣть
собственными глазами два еврейскіе погрома — и о
сколькихъ изъ нихъ читать и слышать! — но погро-
мовъ поповскихъ, покуда, не бывало и нѣтъ, да и не бу-
детъ — до тѣхъ поръ, пока попъ есть *persona grata*
правительства, слагающаго крестъ изъ штыковъ. Еще
разъ повторю: не надо славянофильскихъ, народниче-
скихъ и пр. идеализацій á la Jean Jacques Rousseau. Лю-
ди — всюду люди, и мужику російскому не съ чего
быть лучше другихъ. Исторія не исправляется въ одинъ
день, и тѣ, кто пытается ставить вопросъ объ еврей-
скихъ погромахъ исключительно на почву классовой
борьбы, игнорируя придатки прочихъ пережитковъ, ока-
зываетъ еврейству очень плохую услугу. Тутъ какой
то оптический обманъ дѣйствуетъ. Совершенно неспра-
ведливо и нелѣпно изображать еврейство *классомъ*, враж-

*мѣну смертной казни, провести аграрную реформу, парализовать заемъ. О, этотъ заемъ, значеніе котораго такъ упорно игнорировали въ свое время тѣ краснобаи, что наполняютъ теперь кадетскія скамьи Думы! Какъ скоро сбылось вѣщее слово Максима Горькаго, сказан-

дебно противопоставленнымъ пролетаріату и крестьянству, которое участвуетъ въ погромахъ. Съ другой стороны, воображать, будто крестьянство остается чуждо погромамъ, можетъ лишь очень наивная неопытность, закрывающая глаза на дѣйствительность во имя книжной теории идиллическаго самообмана. Шаблонъ погромовъ общеизвѣстенъ: полиція подстрекаетъ и руководитъ, хулиганы начинаютъ драку и грабежъ, войска поддерживаютъ и охраняютъ погромщиковъ, а, когда можно, и помогаютъ имъ съ доступною разбойничьею энергіей, какъ именно было въ Вѣлостокъ. Когда же сіи „львы“ растерзаютъ свою добычу, на сцену являются „гіены и шакалы“, роль которыхъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ безъ исключенія еврейскихъ погромахъ, извѣстныхъ до сего времени, обязательно брало на себя подгородное крестьянство, пріѣзжающее съ телѣгами подбирать и увозить трофеи погрома — „жидовское добро“. Если мнѣ укажутъ хоть одинъ мало мальски крупный погромъ, въ которомъ не было бы періода мужицкаго грабежа, я буду очень радъ и благодаренъ, но очень сомнѣваюсь въ доказательности такой ссылки. Впрочемъ, цѣтъ. Въ Екатеринославѣ мужики не грабили. Они тамъ разсудили, что не стоитъ ѣздить за „жидовскимъ добромъ“ въ городъ, когда, послѣ погрома, разбѣгающіеся хулиганы сами нещемѣнно понесутъ

ное имъ въ первой книжкѣ „Краснаго Знамени“;

„Понимають ли еврейскіе банкиры Европы, что они даютъ деньги въ Россію на организацію еврейскихъ погромовъ?“

„Если они это понимаютъ, — ихъ преступленіе равно развѣ только ихъ жадности къ

это добро за городъ. Поэтому мужики заняли „заставами богатырскими“ всѣ пѣшіе и конные пути изъ Екатеринослава и — на извѣстномъ разстояніи отъ города — переграблывали у удиравшихъ хулигановъ все, что хулиганы награбили у евреевъ. Въ результатѣ, ограбленный хулиганъ, съ новою злобою, возвращался въ Екатеринославъ и опять принимался за грабежъ. . . Слаще ли отъ того было евреямъ? Спросите бѣглецовъ! Думаю, что, когда человѣка грабятъ, ему рѣшительно безразлично, у кого затѣмъ окажется его безвозвратно потерянное имущество, у Lumpenproletarie'a, каково хулиганство, или у мелкоземельнаго буржуа, каково пригородное крестьянство. Нѣтъ, не надо книжныхъ иллювій. Двухсотлѣтній развратъ русскаго правительства испортилъ и разложилъ темные низы русскаго народонаселенія во всѣхъ безъ исключенія слояхъ его такою массою историческихъ предубѣжденій, предрасудковъ и т. п., что на просвѣтительную борьбу съ ними уйдетъ еще не мало труда не только у современниковъ, но, быть можетъ, и у потомковъ нашей революціи. Къ этому надо приготовиться, какъ борцамъ, а не закрывать глаза, изъ слѣплаго уваженія къ теоріи, изъ вѣры, фанатически полагающейся на непогрѣшимыя verba magistri.

Ал. Амфитеатовъ.

наживѣ. Исторія, я знаю, приготовитъ для нихъ заслуженную ими тяжелую пощечину.“

Дума не въ состояніи сдѣлать ничего спасительнаго для народа, потому что она не опирается на революцію, которою полонъ народъ, и боится, можетъ быть, этой революціи не менѣе, чѣмъ само правительство. Впрочемъ, хватилъ же на дняхъ г. Муромцевъ во всеуслышаніе такую парламентскую архи-ересь, что Дума есть „часть правительства“ . . . И изъ многочисленно присутствующихъ ученыхъ мужей никто его не поправилъ.

Дума собралась для властнаго умиротворенія страны, а вмѣсто того, безсильнымъ топтаніемъ своимъ на одномъ мѣстѣ подводитъ ее подъ обухъ. Театральничанья однихъ, мѣшкотная педантичность другихъ кадетовъ такъ связали руки трудовикамъ и крестьянамъ, что имъ скоро, кажется, придется лучше замолчать, чѣмъ обѣщать возможности и угрозы, не исполнимыя при данныхъ условіяхъ черезчуръ обильнаго балласта. Пора прекратить эту неисполнимость, довольно напрасныхъ жертвъ, попускаемыхъ доктринерскою постепеновщиною. Мы видѣли, какъ на глазахъ Думы эти жертвы падали единицами, десятками, какъ въ Ригѣ, — теперь опять воскрешается правительственная массовка убійствъ, восстанавливается принципиальная травля

народа, многострадальность котораго, послѣ вѣковыхъ испытаній, надѣялась легче вздохнуть подъ сѣнью конституціоннаго уклада, но — увь! конституціонный укладъ въ Россіи при виломъ потворствѣ соннаго общества, прѣблагополучно подмѣненъ конституціоннымъ самодержавіемъ, а конституціонному самодержавію еврейская кровь оказывается такимъ-же надобнымъ и цѣлительнымъ лекарствомъ, какъ была самодержавію самодержавному. Мы опять во временахъ Нейгардта и барона Левенталя. Дума переживаетъ событія и зрѣлища, при которыхъ оставаться безсильнымъ свидѣтелемъ значитъ позорить народное представительство и выдавать на смѣхъ его идею.

Мы, здѣсь собравшіеся, въ большинствѣ изгнанники по политическимъ причинамъ, дѣти и работники революціи, ея раненные, переутомленные и инвалиды, не можемъ равнодушно смотрѣть на комедію парламентскаго безсилія, безконечно разыгрываемую на любительской сценѣ Таврическаго Дворца. Садитесь между двухъ стульевъ очень смѣшной крендель въ водевилѣ, но — когда одинъ стулъ называется самодержавіемъ, а другой — революціей, то крендель становится очень зловѣщимъ и трагическимъ; отъ него у многомилліонныхъ народовъ слезы льются. Думѣ пора открыто выбрать свой

стулъ и примкнуть къ революціи, которая одна может спасти ее, если она другъ народа, и которая безопадно погубить ее, если она застрянеть въ виляющей роли не то, чтобы врага, а такъ, какъ Гоголь говорить, — „ни то, ни се, чертъ знаетъ что“.

Мы, здѣсь собравшіеся, какъ по теоретическому исповѣданію, такъ и по практической принадлежности дѣлимся на нѣсколько различныхъ партій и фракцій, связанныхъ, однако, общою цѣлью свободы въ торжествѣ социалистическихъ началъ. Въ этомъ залѣ мало людей, не прошедшихъ сквозь мытарства арестовъ, тюремъ, Сибири и сѣверныхъ пустынь, разоренія, насильственнаго лишенія образованія, побоевъ, поднадзорнаго состоянія — всѣхъ обидъ и ухищреній, которыми рабство, какъ терніемъ, обладило головоломныя тропинки, по нимъ же, обливаясь кровью, шагаютъ босыя ноги пилигримовъ свободы. Эмиграція вольная и невольная, слагающая собою огромный русскій Парижъ, учащійся и рабочій, имѣеть законное право и должна возвысить свой голосъ къ нашимъ новымъ явленнымъ парламентаристамъ, — голосъ съ того самаго запада, котораго формамъ они такъ педантически подражаютъ, а за формами то — ничего, ничего . . . Мы наслушались фразъ ужаса къ вооруженному выступленію, о непод-

готовленности народа, о необходимости экономить его революционную энергію, о глубокой жалости рисковать кровью народа. Во всемъ этомъ есть, конечно, много искренняго и, по своему справедливаго, но — къ сожалѣнію, дѣйствительность отвѣчаетъ на эти теоретическія справедливости наглядностью ужаснѣйшихъ фактическихъ несправедливостей. Народъ, который считается неподготовленнымъ бить правительство, оказывается въ рукахъ правительства отлично подготовленнымъ, чтобы бить евреевъ и, въ лицѣ ихъ, самаго себя и революцію. Накопленная революціонная энергія уходитъ черезъ коварно подставленный клапанъ погромовъ и замѣняется развратною привычкою къ разбойничеству. Кровь, которой сантиментально жалѣютъ для боя на баррикадахъ, рѣками льется беззащитно и безотместно, подъ дубинами одурманенной черни.

Русская колонія въ Парижѣ представляетъ собою настолько численную и опредѣленную группу революціоннаго движенія, что ея голосъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія никакимъ собраніемъ, претендующимъ на русское народное представительство. И мнѣ кажется, что мы хорошо поступимъ и полезно, если отправимъ въ Петербургъ на имя кого либо изъ народныхъ представителей съ несомнѣнно доказаннымъ революціоннымъ образомъ мыслей,

коллективное выраженіе чувствъ, пережитыхъ нами при страшной вѣсти о бѣлостокскомъ погромѣ, который, повторяю, мы должны разсматривать не иначе, какъ первую битву контрреволюціи, окрѣпшей и вдохновившейся подъ шумокъ думскаго многоглаголиваго бездѣйствія. Не говорю уже о требованіи немедленнаго и энергическаго подавленія погромовъ, о требованіи строжайшаго слѣдствія и суда надъ ихъ устроителями, — это условія примитивныя, хотя и ихъ словами не добиться: три четверти Государственнаго Совѣта полно погромщиками, которымъ давно слѣдовало бы быть подъ судомъ, да у Думы руки коротки, ну, значить, и скажи, враже, якъ панъ каже! Но никакое народное представительство не можетъ, сколько нибудь уважая себя и серьезно смотря на свою миссію, уживаться съ правительствомъ, которое поддерживаетъ себя подобными ужасами. Дума выразила недовѣріе министерству Горемыкина, а министерство осталось на мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и для вящей красоты и хвастовства омыло себя въ крови бѣлостокскихъ евреевъ. Царь и министерство бойкотируютъ Думу. Если послѣдняя хочетъ сохранить или, вѣрнѣе, возвратить себѣ уваженіе націи, для этого одинъ путь — бойкотировать царя и министерство. А чтобы бойкотъ этотъ оказался не простымъ

громкимъ словомъ, которое погаснетъ въ ближайшей отъ Таврическаго Дворца тюрьмѣ, Дума должна покориться тяготѣнью, которое указываютъ ей ея контрабандные члены — крестьяне и трудовики. Она должна подчинить свой организъмъ движенію партій революціоннаго дѣйствія, стать ихъ голосомъ, какъ онѣ станутъ ея рукою, то есть перелиться изъ бессильной политической говорильни въ могучее учредительное собраніе, чрезъ которое скажетъ и сотворитъ свою волю революція, а революція есть народъ!

**Рѣчь, произнесенная на похоронахъ
М. Р. Гоца въ Женевѣ.**

IV.

Товарищи и Граждане!

Я имѣю порученіе поклониться праху Гоца и прощально его привѣтствовать отъ трехъ внѣпартийныхъ социалистическихъ учреждений: отъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, отъ редакціи журнала „Красное Знамя“ и отъ Русской Школы Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ. Позвольте остановить ваше вниманіе на первомъ изъ этихъ трехъ порученій. Я принялъ его съ особенно пылкою готовностью, такъ какъ въ этомъ печальномъ поклонѣ есть радостная, въ высшей степени многозначительная и ярко симптоматическая сторона. Всероссійскій Крестьянскій Союзъ представляетъ собою объединеніе лучшей части русскаго крестьянства — наиболѣе сознательной, наиболѣе энергичной, наиболѣе вліятельной. Гробъ Михаила Гоца — не простой ящикъ съ трупомъ, отжившаго свой боевой срокъ,

хотя бы и известнаго чловѣка, хотя бы и заслуженнаго героя революціи. Мы не должны забывать, что Гоцъ былъ еврей. Еврей и русскій революціонеръ! Это сочетаніе, такъ обычное въ наши грозные дни, обращаетъ прахъ Гоца въ трагическій символъ еврейскаго мученичества за дѣло русской свободы. И не одному Гоцу въ гробу его кланяется теперь Всероссійскій Крестьянскій Союзъ отъ имени крестьянства русскаго, — въ лицѣ Гоца, онъ кланяется всему революціонному движенію еврейства, скажу болѣе: онъ кланяется всему многострадальному еврейскому народу. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что не только въ революціонной, но даже въ пассивной, мирной и темной его части, судьба этого народа-мученика — изъ года въ годъ, изо дня въ день искупать каждое движеніе русской свободы своими терзаніями — океаномъ притѣсненій, убійствъ, грабежей, надругательствъ, которыя обрушивается на нихъ подозрительная петербургская деспотія. Товарищи! Мы хоронимъ Михаила Гоца въ дни Бѣлостока и Сѣдлеца!... Подъ громомъ этихъ ужасныхъ событий, — повторяю, — прощальный привѣтъ Михаилу Гоцу отъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза принимаетъ особенно глубокой и многообъщающей смыслъ.

Онъ раздается въ моментъ, когда на крестья-

яство съ выжидательною тревогою обращены взоры одинаково и правыхъ, и лѣвыхъ группъ русскаго общества. Последнее сознало всею массою своею пробуждающуюся революціонную силу крестьянства, поняло, что она — рѣшающая, и ждетъ ея, какъ девятаго вала. Мы знаемъ, что еще недавно царизмъ считалъ крестьянство своею довѣчною опорю. Мы знаемъ, что онъ пытался установить сообщничество между самодержавною властью и крестьянскою массою и запутать послѣднюю въ свои контр-революціонныя преступленія, — въ томъ числѣ, на первомъ планѣ и прежде всего, именно въ преступленія противъ еврейскаго народа. Погромы, организованные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выставлялись имъ, какъ дѣло рукъ „Народной Немезиды“. Употреблялись тысячи провокаторскихъ уловокъ и подкупныхъ соблазновъ, чтобы породить, раздуть, воспитать и осуществить ту мнимую, якобы органическую, ненависть между крестьянствомъ и еврействомъ, о которой такъ много вопіяли и вопіютъ еще охранители справа и которой, въ дѣйствительности, не существуетъ нигдѣ, если крестьяне и евреи предоставлены самимъ себѣ — уживаться въ своихъ взаимоотношеніяхъ, какъ сами хотятъ и знаютъ.

Царизмъ падаетъ и средства его обмановъ

милліонахъ не въ состояніи болѣе обморочить головы очнувагося народа. Онъ съ ужасомъ смотритъ на свое прошлое, отрекается отъ настоящаго и тоскливымъ порывомъ устремляется въ будущее, которое есть свобода, равенство и братство всѣхъ, сопряженныхъ съ Россіей, народовъ.

И — въ первой необходимой очереди — народа еврейскаго. Крестьянство разглядѣло, сквозь искусственные историческіе наносы и кровавые административные туманы, кто его настоящіе враги, кто его искренніе друзья въ человечествѣ, — и Петербургу не одурманить его снова. Объ этомъ заботится многія дружныя силы русскаго освобожденія, — между ними и та широкая крестьянская организація, именемъ которой я возлагаю вѣнокъ на гробъ Гоца.

Это — вѣнокъ восторга, востраданія и раскаянія. Восторга — къ революціонному героизму, состраданія — къ идейному мученичеству, раскаянія — въ отчужденіи отъ нихъ, въ маломъ пониманіи ихъ до сихъ поръ, въ невольномъ поцѣлительствѣ ихъ прошлыхъ горей и бѣдствій. Мракъ минулъ, солнце восходитъ. И, въ сіяніи солнца, русскій народъ видитъ гордо вѣнчующее красное знамя свободы. Радостно устрем-

лиется онъ подъ гордое знамя и — опять повторяю: изумленный, сострадающій, полный раскаянія — убѣждается, что древко знамени держать, изнемогая, но не сдаваясь, не иной кто, какъ — еврей, изстрѣлянный царскими пулями въ бою за мужицкую свободу!

Деспотія пыталась сѣять раздоръ между еврействомъ и крестьянствомъ подъ покровомъ темной ночи невѣжества и на почвѣ рабства. Соціалистическая энергія освѣтила Россію солнцемъ свободы. Подъ его пламенными лучами сразу увяли ночныя сорныя травы. Крестьянство поняло могучую роль еврейства въ борьбѣ за свободное будущее соціалистической Россіи и — благодарное, растроганное — идетъ на встрѣчу еврейкимъ мученіямъ съ открытымъ сердцемъ и дружески протертыми руками.

Слава рыцарямъ духа, создавшимъ самоотверженными трудами своими почву для этого союза! Слава сильнѣйшему изъ сильныхъ между ними — Михаилу Гоцу!

Отъ имени Всероссийскаго Крестьянскаго Союза низко кланяюсь праху его.

О Сѣдлецкомъ погромѣ.

V.

Сѣдлецкій погромъ превзошелъ, по откровенности своей, рѣшительно всѣ правительственныя наглости, которыя испестрили кровавыми пятнами позорную книгу русскаго прозябанія въ когтяхъ жестокаго и глупаго звѣрька, называемаго Николаемъ II. Это не царь и даже не царекъ — это просто хорекъ. Онъ — или пьетъ кровь или сидитъ забившись въ глубокую нору, и вдвое больше злобится отъ страха, что его убьютъ, — отъ страха, столь свойственнаго преступнику, который оцѣнилъ самъ себя въ душѣ своей и справедливо нашелъ, что нѣтъ мерзости, въ которой онъ не былъ бы виноватъ, и нѣтъ казни, которой онъ бы не заслуживалъ. Въ Кишиневѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ еще надо было уличать правительство въ организациі антиудейскаго террора, производить добровольческіе слѣдствія, припирать фактами къ стѣнѣ всевозможныхъ титулованныхъ и властныхъ

лгуновъ, старавшихся изворотливо свалить вину съ больной головы на здоровую и подмѣнить жестокости самодержавнаго человѣконенавистничества жестокостями русскаго народа. Онъ де — историческій и органическій антисемитъ, а потому бьетъ „жида“ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, заступаясь за батюшку-царя, а мы де, хотя и вѣрные слуги батюшки-царя, котораго „жиды обижаютъ революціей“, но постоянно и настолько лояльны, что согласны были бы защищать даже и васъ, обидчиковъ-жидовъ, да бессильны бороться съ стихійною энергіей народной Немезиды. Всѣ эти хитрыя благоглупости полицейскаго и жандармскаго макіавелизма были пущены въ ходъ даже и послѣ Вѣлостокскаго погрома, окончательно раскрывшаго глаза Европѣ на вопросъ — кто и зачѣмъ бьетъ и мучитъ евреевъ въ предѣлахъ имперіи добродушнаго и сентиментальнаго Николая II. Теперь хорошо извѣстно, что не только народъ не принималъ участія въ вѣлостокскомъ погромѣ, но даже хулиганами онъ поддержанъ былъ слабо, — еврейскіе мученики Вѣлостока погибли подъ пулями и штыками солдатъ, которымъ ихъ передали, какъ въ средніе вѣка отдавался на волю побѣдителей взятый кровавымъ штурмомъ городъ. Казалось, дальше Вѣлостока итти некуда. Всѣ Геркулесовы столбы достиг-

нуты, всё *plus ultra* сказаны. Но вот наступает новый страшный судъ: Сѣдлецъ — и неисчерпаемый кладезь кровавой грязи, министерство Столыпина, находятъ въ себѣ новые могучіе источники, чтобы залить срамомъ послѣднія сколько нибудь чистыя мѣста и полоски на имени и репутаціи русскаго государства. Въ Сѣдлецѣ было дано первое открытое сраженіе романовско-еврейской войны. Раньше такъ откровенничалъ только одесскій Каульбарсъ, да и то его унимали и обдергивали изъ Петергофа и Петербурга, чтобы не распускалъ слишкомъ длинно свой генеральскій языкъ и не смущалъ кровожадною болтовнею ушей европейской „княгини Марьи Алексѣвны“. Въ Сѣдлецѣ дѣло шло на чистоту. Всѣ евреи были объявлены революціонерами, всѣхъ евреевъ поставили внѣ закона, окружили солдатскимъ кольцомъ и принялись систематически истреблять погромомъ — уже солдатскимъ на чисто, безъ всякихъ хулиганскихъ масокъ и декорацій. Презумпція убійства: „каждый жидъ — революціонеръ“ — вела правильную, сознательно-безчестную, холодно расчетливую и безжалостную атаку на жизнь и благополучіе 25.000 человѣкъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 24.000 были ни въ чемъ не повинны предъ своими палачами, кромѣ, объявленнаго преступленіемъ, еврейскаго происхож-

денія. Отъ купцовъ, мелкихъ полуграмотныхъ и безграмотныхъ ремесленниковъ, отъ голи изъ хижинъ предмѣстья власти требовали, протворяясь серьезными, выдачи революціонеровъ. Подумаешь, — такая это легкая штука — выдать революціонную организацію! — Что же намъ, ваше превосходительство, родить, что ли, революціонеровъ прикажете? только и могли бы отвѣчать, если бы смѣли, всѣ эти несчастные Иосели, Хаимы, Абрумы, отъ которыхъ губернаторъ и полковой командиръ Тихановскій, съ холодною и тупою свирѣпостью, съ ножемъ у горла, требовали:

— Гдѣ Бундъ? Подавайте Бундъ.

— Коны жъ нима? . . .

Въ отвѣтъ — грохотъ выстрѣловъ и — потомъ — стоны умирающихъ . . .

Требовали Бунда и требовали . . . денегъ . . . Уже многіе сѣдлецкіе бѣглецы достигли Парижа и рассказы ихъ единодушно гласятъ, что сѣдлецкія власти торговались съ еврействомъ, быть или не быть погрому. Губернаторъ требовалъ 25.000 руб., командиръ полка — 20.000. Евреи рады были откупиться, но не могли собрать больше 25.000 р. на обоихъ палачей. Мало! . . . И, за нехваткою двадцати тысячъ наличной взятки, разгромлено имущества на милліонъ, и лилась горячими ручьями кровь человѣческая . . .

Любопытно, что съдлецкому погрому предшествовала полоса слуховъ о предполагаемыхъ умягченіяхъ правительственнаго режима по отношенію къ евреямъ: о расширеніи, если не уничтоженіи, черты осѣдлости, объ уравненіи правъ на высшее образованіе и т. д. Впослѣдствіи всѣ подобныя слухи категорически опровергались правительствомъ, но — тогда — былъ же какой нибудь огонь, отъ котораго поднимался этотъ странный дымъ.

Дѣло объясняется просто. Повторилась, только съ большею прозрачностью, исторія кишиневскаго погрома, который заграничные агенты покойнаго фонъ-Плеве тоже „продавали“ европейскому еврейству, а еврейство не купило, не повѣривъ въ угрожающіе намеки Манасевичей - Мануиловыхъ и имъ подобныхъ. Тогда Плеве и показалъ — „на что мы способны: если вы съ нами такъ, то мы съ вами вотъ какъ.“ Показалъ, но „пересолил“, напугавъ и возмутивъ весь цивилизованный миръ, такъ что затѣмъ пришлось — сперва притихнуть съ погромами, а затѣмъ возобновлять ихъ уже не иначе, какъ въ гримѣ лже-народной Немезиды, дубиною дикаго черносотенца и ножомъ хулигана. Еврейство въ ^т для котораго громовый ударъ кишиневскаго погрома, несомнѣнно, былъ зрѣлищемъ пробужденія и нравственнаго подъема.

защитѣ и единству, приспособилось къ этимъ наноснымъ бѣдамъ: его вооруженныя организаци и рабочія группы скоро доказали хулиганамъ и черносотенцамъ, что погромъ есть палка о двухъ концахъ, и „штатскіе“ погромы стали нуждаться въ военномъ прикрытіи: Одесса; Кіевъ, Екатеринославъ и т. п. Въ то же время еврейство западное, справедливо взбѣшенное кишиневскимъ погромомъ, тоже очень осязательно показало хулиганствующему русскому правительству, „на что и мы способны“: кредиты Россіи за границую быстро пошли на убыль и стали понемногу сокращаться и закрываться. Гордое своими 950 милліонами золотомъ, накопленными Витте, для чего онъ, по собственному его циническому, но вѣрному опредѣленію, „выжалъ Россію, какъ лимонъ“, правительство не особенно тревожилось, тѣмъ болѣе, что рассчитывало на успѣхъ манчжурской авантюры, въ которую увлекать Николая слѣпой рокъ, олицетворяемый Александромъ Михайловичемъ, Безобразовымъ, Алексѣевымъ, Абазою, Вонлярларскимъ и прочими „сихъ дѣлъ мастерами“. Но попытка расторгнуться чужимъ лѣсомъ съ рѣки Ялу оказалась для Николая П. менѣе успѣшною, чѣмъ блистательный опытъ торговли собственною водкою: какъ виноторговецъ, царь преуспѣвалъ, а, въ качествѣ лѣоторговца, осрамился и разорился, спустивъ въ манчжурской

аферѣ все, что накопили ему винныя и мѣняльныя операціи золотой валюты. Японская гроза и пробужденная отъ сна революція вызвали потребность заключать „заемъ за займомъ“, какъ выражается теперь въ своихъ французскихъ interviews все тотъ же Витте. Но сей спросъ нашель весьма слабое предложеніе, а еврейскіе банки, съ могучимъ домою Ротшильда во главѣ, попятились отъ русскихъ операцій съ подчеркнутую выразительностію. Маклерство по русскому апрѣльскому займу досталось сравнительно второстепенной банкирской фирмѣ Мендельсона въ Берлинѣ. Извѣстно, что условія займа были ужасны и постыдны, и что участіе въ немъ Франціи Коковцевъ вырвалъ совершенно шантажнымъ путемъ и то лишь по глупости, халатности и двойственной игрѣ нашихъ російскихъ гг. кадетовъ, ухитрившихся допустить недопустимое. Европа денегъ дала, сконфузилась, испугалась и забастовала: больше ни за что! А Николаю Александровичу нужно еще, еще и еще... И вотъ объ этомъ то еще, еще и еще ведется съ еврействомъ торгъ — по обычной системѣ: въ одной рукѣ векселя, подлежащіе тысяча первому переучету, а въ другой — разбойничій кистень. Рука съ разбойничьимъ кистенемъ вѣжливо спрятана за спину, и съ усть звучать умильныя рѣчи о гуманныхъ планахъ прави-

тельства по отношенію къ еврейству до образовательной реформы и отмѣны черты осѣдлости включительно. Но умильные рѣчи — журавли, летающіе въ небѣ. Еврейство знаетъ ихъ хорошо, и на жутьнической экспансивности Господь Обмановыхъ подается туго. Тогда взвывается рука съ нагайкою . . . начинаются ужасы Бѣлостока и Сѣдлеца, которыми господа Обмановы, сбросивъ всякія маски, говорятъ европейскому еврейству:

— Мы продавали вамъ для вашихъ одноплеменниковъ миръ отъ нашего звѣрства, — вы забыли прошлое, не хотѣли купить. — хорошо: такъ вотъ — мы вамъ просвѣтимъ память, любуйтесь еще и еще, опять и опять, на что мы способны . . .

Сейчасъ, когда впечатлѣнія Сѣдлеца, замятыя круто связанною печатью, попризывали ужъ опять во всѣхъ ушахъ, кромѣ еврейскихъ, опять началось шантажское заигрываніе на почвѣ расширенія правъ. Смѣхотворный документъ о томъ уже оглашенъ въ европейской печати. ~~Это — что то мифистофельски-бюрократическое: читая, было бы смѣшно, если бы не было грустно и . . .~~ странно. Достаточно сказать, что балаганное министерство Столыпина, чтобы обморочить не знающую русскаго законодательства европейскую публику, подтверждаетъ, съ видомъ неизъяснимаго великодушія, свободу и право евреевъ —

О Сѣдлецкомъ погромѣ.

V.

Сѣдлецкій погромъ превзошелъ, по откровенности своей, рѣшительно всѣ правительственныя наглости, которыя испестрили кровавыми пятнами позорную книгу русскаго прозябанія въ когтяхъ жестокаго и глупаго звѣрька, называемаго Николаемъ II. Это не царь и даже не царекъ — это просто хорекъ. Онъ — или пьетъ кровь или сидитъ забившись въ глубокую нору, и вдвое больше злобится отъ страха, что его убьютъ, — отъ страха, столь свойственнаго преступнику, который оцѣнилъ самъ себя въ душѣ своей и справедливо нашелъ, что нѣтъ мерзости, въ которой онъ не былъ бы виноватъ, и нѣтъ казни, которой онъ бы не заслуживалъ. Въ Кишиневѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ еще надо было уличать правительство въ организациі антиудейскаго террора, производить добровольческіе слѣдствія, припирать фактами къ стѣнѣ всевозможныхъ титулованныхъ и властныхъ

сколько разъ уже замѣчено, что подобныя и фальшивыя и дутыя, якобы милости, лже-льготы и псевдо-справедливости суть зловѣщія предвѣстія скорыхъ погромовъ „за неблагодарность“.

Шантажный характеръ еврейскихъ погромовъ разоблачался передъ глазами Европы по мѣрѣ того, какъ отъ участія въ нихъ отпадали слои населенія, за которое романовское правительство прятало свои двигательныя пружины.

Первыми отвалились рабочіе, — орудія старыхъ погромовъ въ 80-хъ годахъ — потомъ крестьянство, въ Бѣлостокѣ колебались и спасовали даже хулиганы, и въ Сѣдлецѣ передъ еврействомъ стоялъ уже правительственный вымогатель на чистоту — въ свѣтлыхъ цуговицахъ и офицерскихъ пагонахъ, съ шеренгами солдатъ и пулеметами за спиною. Кольцо убійцъ сомкнулось вокругъ еврейскаго городка и — послѣ торга частнаго, явившагося отголоскомъ общаго государственнаго торга — начало бойню, подобн, которой устраивалъ лишь Иванъ IV Васильевичъ въ Новгородѣ да въ Ливоніи. Вотъ она — и месть за вчерашній день, и впередъ угроза! Есть молъ еще порохъ въ самодержавныхъ пороховницахъ, — выкупайте, еврейскіе банкиры, право жизни для своихъ одноплеменниковъ, право чести для ихъ женъ, сестеръ и дочерей, а не то — вы видѣли: мы на все способны!...

Персія цивилизуется, Китай получилъ конституцію, въ одной Россіи, вмѣсто государственнаго порядка и строя, царить узаконенная Варооломеевская ночь. Еврейство въ Россіи — это народъ-заложникъ, аманатъ, захваченный романовскимъ разбоемъ въ поруку за раболѣпную покорность европейскаго капитала. И, когда европейскій капиталъ поетъ пѣсни не по романовскимъ нотамъ, Романовы устраиваютъ ему сѣдлецкіе и бѣлостокскіе аккомпанементы. Совершенно такъ поступаютъ въ Малой Азіи бандиты. Они уводятъ въ горы кого либо изъ членовъ семьи богатаго банкира или купца и посылаютъ письмо съ требованіемъ выкупа. Если выкупъ не вносится съ достаточную быстротою, то слѣдуетъ второе письмо, и къ нему прилагается ухо, отрѣзанное у плѣнника. Затѣмъ другое ухо, палець, носъ и т. д. — покуда не получится требуемый выкупъ.

Единственнымъ средствомъ прекратить эти кровавые разбойничьи шантажи является уничтоженіе самого разбойничества, со всеми его шайками. Уничтоженіе его надвигается и снаружи, и изнутри. Внутри идетъ работа двойственная. Съ одной стороны, романовскій бригадажъ значительно насчитываетъ могущественными

психологическій процессъ, нѣкогда предсказанный Толстымъ въ его сказкахъ-проповѣдахъ о „непротивленіи злу“: группы человѣческія, призванныя правительствомъ опричничать и палачествовать, устали отъ навязанныхъ имъ подлыхъ ролей, ихъ тошнитъ отъ пролитой крови, полныя угрызений совѣсти и самопрезрѣнія, онѣ распадутся и отходятъ въ сторону. Наилучшее свидѣтельство — Сѣдлецъ, гдѣ правительство осталось для погрома съ одною автоматическою солдатчиною . . . Народъ протрезвился и нашелъ въ себѣ приглашенное сознаніе добра и зла. И, найдя, отошелъ отъ зла и сотворилъ благо . . .

Александръ Амфитетровъ.

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы, Ал. Амфитеатровъ (old Gentleman) со- сланъ на 12 лѣтъ въ сибирь ч. 1—3 по за все	1,— 3,—
Андреевъ Л. Бездна	2,—
М. Горькій. Три разсказа (не пропущены рус- ской цензурой)	1,—
— — — — — Революціонныя пѣсни и баллады	1,—
Голосъ изъ русской арміи Разоблаченія	2,—
Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“	2,—
Суккениниковъ, М. Первый конгрессъ рус- скихъ студентовъ и студентокъ, уча- щихся за границей	1,—
Спасовичъ Вл. Семь судебныхъ рѣчей	5,—
Содержаніе: I Дѣло о 193 лицахъ. —	
II. Дѣло Мервинскаго, Теглева и Фурсова —	
о подкупѣ подъ Малуя Садовую улицу. —	
III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибыле-	
выхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Че-	
модановой и другихъ. — V. Дѣло о Вар-	
шавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло	
объ убійствѣ купчихи Боговской въ Пеко-	
вѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ	
Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.	
Вл. Короленко. Чудная	1,—
Домъ № 13	1,—
Портъ-Артуръ	1,—
Евреи въ Москвѣ	1,—
С. Щедринъ Толтыгинъ I, II, III	1,—
Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй	
Томъ I и II.	25,—

Марокъ

Флеровскій Н. Н. Три политическіе системы: Николай I, Александръ II и Александръ III	6,—
Народныя Русскія Легенды , собранныя Ава- насьевымъ	10,—
Л. Н. Толстой. Война и разумъ	—,60
— — Крейцера соната	1.50
— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“	1,—
— — Крестьянская революція	2,—
Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.	
Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Петербургѣ 9—22 января 1905, на- броски съ натуры, отзывы заграничной печати	1,—
Колосовъ. Смерть Плеве и Сергѣя Александр- овича	1,—
Библиотека біографій выдающихся русскихъ ре- волюціонеровъ:	
Вып. I: Вароломей Александровичъ Зайцевъ	1,—
Карповичъ. Избіеніе русской молодежи	1,—
Колосовъ. Его Превосходительство	3,—
Сущность и значеніе конституціи графа Лорисъ-Меликова	1,—
Новые материалы по біографіи російскихъ коронованныхъ особъ, составленные на осно- ваніи заграничныхъ документовъ:	
Томъ III. Елизавета Петровна , ея проше- хожденіе, интимная жизнь и пра- вленіе	2,—

Марокъ

- Томъ IV. **Петръ III**, его дурачества, любовныя похождения и кончина . . . 2,—
- „ VII. **Екатерина II**, ея происхождение, интимная жизнь и политика . . . 2,—
- „ VIII. **Павель I**, его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . 2,—
- „ X. **Николай I**, его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
- „ XI. **Александръ II**, его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
- „ XII. **Александръ III**, . . . 2,—
- „ XIII. **Николай II**, его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
- А. Бебель**, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . 3,—
- Въ этой книгѣ знаменитаго вождя социалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.
- Мысли о Финляндіи** —,80
- Болѣзнь Александра III**. 1,—
- Антонъ Горемыка**. Князь Потемкинъ Таврической 1,—
- Проѣзжій**. Господа черносотенцы. 1,—
- Вильгельмъ Райнеръ**, „Дарованная“ конституція и контръ-революція 2,—
- М. И. Грантъ**, графъ Витте вчера и сегодня . . . 1,20
- Вертеръ**. Очерки изъ русской революціи, рассказы, эпизоды, наброски съ натуры . . . 1,—

BARON